

Время больше не имело смысла для болота. До сих пор оно не обращало внимания на то, как проходят дни. Одна жизнь редко имела для него значение, а один день - и подавно. Вместо этого оно полагалось на медленное течение времен года, которое позволяло понять окружающий мир, но теперь это было невозможно. Все, что оно отмечало, - это черты лица мага и длину его бороды. Альбрехт - так звали этого человека. Он слышал его уже тысячу раз, и болото цеплялось за него, как за единственный обломок, имевший значение в руинах, которые были его владениями.

Альбрехт был уже не молод, когда впервые попал во владения болота, но после нескольких лет, проведенных здесь, он уже начал местами показывать свой возраст. Новая морщинка здесь. Седина там. Это было все, что могло показать течение времени, в течение которого он регулярно разрушал способность болота мыслить.

Даже тот факт, что рыбацкая деревня на берегу озера теперь находилась в пределах его владений, не имел такого значения, как редущая линия волос Альбрехта. Возможно, со временем болото поглотит бедных ловцов и рыбаков этого унылого местечка, но пока оно могло лишь наводить кошмар, пока его сила постоянно выкачивалась на магические эксперименты, которые призрак и не надеялся понять.

Да оно бы и не поняло их, если бы ученик того человека не умер. К счастью, однажды теплый климат оказался слишком сильным для анемии, от которой он страдал еще задолго до того, как ступил на землю в болоте. Болоту не было бы никакого дела до мягкого, бледного мальчика, кроме того, что он пришелся по вкусу червям, если бы сам маг не решил, что его ученик сгодится для еще одного запретного эксперимента, проводимого втайне на чердаке над шестым этажом.

Именно в разгар страшной бури, затянутой кругом из собственной крови Альбрехта, фрагмент болота вдруг оказался перед тусклыми глазами Барнабаса, мертвого ученика Альбрехта. Это было потрясающее зрелище. В один момент он рыскал в камышах, пытаясь почувствовать себя более настоящим в том беспорядке, который стал его существованием, и понять текущие границы его владений. В следующий момент он впервые за много лет оказался в ловушке в теле медленно разлагающейся плоти. По крайней мере, его части.

Даже в башне он все еще чувствовал болото снаружи. Это было похоже на то, как если бы он был одновременно трубадуром на сцене в питейном заведении и толпой, наблюдающей за его игрой. Это смущало и кружило голову одновременно. Впервые за многие годы болото могло думать - могло думать словами и предложениями. Даже если этот мозг был уже два дня как мертв и медленно превращался в кашу, он все равно мог думать лучше, чем гектары прелой воды и миллион насекомых.

Альбрехт откинулся назад, явно шокированный тем, что его ученик открыл глаза, но он довольно быстро пришел в себя. "Барнабас - это взаправду ты?" - спросил маг, его голос был полон трепета.

Недавно умерший Не-Барнабас медленно сел, поднявшись сначала на задницу, а затем на колени. Стоять удалось, лишь тяжело опираясь на стену, и то ли из-за разлагающихся конечностей, то ли из-за непривычного тела, какие-либо сложные движения, вероятно, были невозможны. Не-Барнабас хотел было вцепиться старику в горло, но отдаленное звяканье предупредило его, что его правая нога прикована к кандалам, а быстрый взгляд подтвердил, что он прикован к полу. Даже этого могло бы не хватить, чтобы разубедить Не-Барнабаса, если бы не еще одно открытие, сделанное им, когда он обвел комнату своими мутными глазами.

В этом разуме и этом теле он мог делать то, чего не мог делать никто из других душ, составлявших его беспорядочный лоскутный дух: он мог читать. Он мог читать достаточно хорошо, чтобы увидеть, что книга справа от Альбрехта была озаглавлена "Трактат о некромантии и других запретных искусствах". Призрак внутри Барнабаса не знал, что все это значит, но разлагающийся мозг тела, в котором он сейчас находился, знал. И как только он узнал об этом, то сразу же возжелал заполучить эти секреты себе. Одно только слово "некромантия" взывало к нему, как давно потерянная любовь, и в этот момент он хотел чего-то большего, чем вернуться в болото, где ему было самое место.

Поэтому вместо того, чтобы попытаться убить своего смертельного врага, призрак сделал то, чего никогда не делал раньше, заставив себя улыбнуться. "ЙаЯ... Барррнабассс...", - только и смог произнести он, изображая узнавание своего бывшего мастера таким образом, что пожилой человек в шоке затаил дыхание.

Так начался долгий и в основном односторонний разговор, в котором маг задавал своему бывшему ученику вопросы на тему смерти и посмертия, заставляя болото придумывать односложные и двусложные ответы на вопросы, которые оно едва понимало. Больно ли умирать? Помнишь ли ты меня? На что похожа загробная жизнь? По мере того как вопросы становились длиннее, ответы на них становились все проще и менее осмысленными. Конечно, не потому, что болото не могло ответить, а потому, что ему было скучно. Ему требовалась каждая унция силы воли, чтобы играть с ним так долго, как это было возможно.

В конце концов маг устал от этого и спустился вниз, оставив все ритуальные принадлежности, включая книгу. Тогда Не-Барнабас принялся за работу, опустив тяжелый фолиант на пол при свете единственного чердачного окна, чтобы он мог прочесть незнакомые слова и попытаться разгадать их значение. Почти все, что он прочитал, было далеко за пределами понимания болота, но он узнал, что магия смерти была наименее естественной и, возможно, самой могущественной в мире. В основном это были лишь еретические истории о повелителях смерти и некромантах прошлых веков. По опыту ученика, в таких книгах обычно содержались ритуалы и формулы для направления и исполнения элементарных магических заклинаний. Однако магия смерти была табуирована и запрещена для изучения, поэтому ее не так хорошо изучали.

Однако для призрака все это не имело значения. Формулы и истории отошли на второй план, когда смысл просочился в его душу, как тайный смысл между строк книги. Смыслы были тайными, и они были написаны только для него. Человеческая часть его души могла не

понимать того, что он читал, но тьма, в которую он воплотился, полностью резонировала с этим. Многие из этих сил уже были в его власти, если бы только у него было достаточно сущности, чтобы использовать их. Это была удивительная ночь. Когда все закончилось, у Не-Барнабаса был только один выход, и он провел оставшиеся до рассвета часы, готовясь к нему, уверенный, что Альбрехт скоро нанесет ему еще один визит.

Разочарования не последовало, и спустя несколько часов под лучами полуденного солнца маг вернулся на чердак. Не-Барнабас был уверен, что маг считал, что только это защитит его от запретных вещей, которыми он занимался. Однако дверь была не заперта, и ни солнце, ни круг не защитили бы его от того, что случилось дальше.

"Видел ли ты кого-нибудь из богов, уходя, или подземный мир после того, как ты умер?" - спросил маг. Не-Барнабас сделал один неуклюжий шаг вперед, держась за балки, и прошептал что-то почти неслышное.

"Что что?" - спросил маг, слегка наклонившись вперед, как раз к границе своего защитного круга. "Я приказываю тебе говорить!" Не-Барнабас сделал еще один неуклюжий шаг. Теперь он был почти у цели и стоял так близко, как только позволяла прикрученная к полу цепь - то есть на том расстоянии, на котором она могла бы находиться, если бы Не-Барнабас все еще был привязан к ней.

Ночью он раздробил лодыжку и ступню, чтобы снять эту штуку. Это означало, что ничто не могло остановить его, когда оно набросилось на мага с пронзительным рычанием: "Я уввиивидееел твоооююю смееееерть...".

Зубы глубоко вонзились в горло Альбрехта в тот единственный момент, когда чувство абсолютной безопасности заставило мага ослабить бдительность. Не-Барнабас успел лишь куснуть, как вдруг заклинание пронзило его насквозь, отправив сквозь крышу башни, а затем по дуге свалило в грязь на землю. Каждое ребро в груди Не-Барнабаса было раздроблено еще до того, как он упал на землю, но даже когда его сознание угасло, а запертый дух медленно вытек в солоноватые воды болота, труп умер с улыбкой на лице. Убить мага было бы, конечно, лучше, но одного укуса было достаточно.

Слишком долго Альбрехт держал сердце болота в плену в этой башне, но теперь и у болота была своя козырная карта. Он почувствовал вкус крови этого человека, и это был идеальный вектор, чтобы прорваться сквозь чары и обереги, на которые старый маг слишком долго полагался. Да, это было унижительно для такой природной силы, как призрак, оказаться запертым в чужом теле, пусть даже на короткое время, но оно того стоило. Призрак знал, какие силы ждут его, если только он сможет снять с шеи сапог мага, и теперь у него был прекрасный способ сделать это.

Крышу починили за несколько дней, а шея мага зажила через несколько недель после этого, хотя шрам остался на всю жизнь. Однако важны были будущие эксперименты. Если до сих пор, когда Альбрехт произносил одно из своих ужасных заклинаний, он использовал силу болота, не обращая внимания на затраты, то теперь каждый раз, когда он пытался вытянуть сущность из истинного повелителя болот, сущность высасывалась из него в равной степени. Этого было

недостаточно, чтобы полностью заткнуть дыру в ведре, которая обрекла болото на такое недолгое и туманное существование, но этого было достаточно, чтобы маг стал гораздо реже прибегать к своим трюкам. Быть прикованным к постели в течение нескольких дней, как правило, оказывает на людей такой эффект.

Так болото выздоравливало, в то время как его заклятый враг падал духом. Каждый эксперимент и заклинание становились все более неудачными по мере того, как тело мага разрушалось все сильнее, а влияние призрака росло.

Когда маг прибыл на болото, он казался почти нестареющим, но теперь он старился на год каждый месяц или два, так как тьма тяготила его и заражала его душу. Именно в эти ослабленные моменты болото настойчиво проникало в его лихорадочные кошмары, даря ужасы и озарения. Он почти всегда просыпался от этих состояний забытья с какой-нибудь новой теорией или принципом, который теперь можно было опробовать, но не понимал, что именно этого хочет от него болото. Тогда же начались и сны о сокровищах.

Очевидно, Альбрехт слышал о сокровищах. Сказка о богатствах Райли, как называли ее барды. Болото не знало подробностей, да и не интересовалось ими, но оно знало одно сокровище, которое больше других желало добавить к своей коллекции, и чтобы это произошло, оно должно было наконец позволить раскопать клад.